

Общий вид на бывшую мызу Кайсма в Вяндраском районе Эстонской ССР — место рождения академика Ф. Б. Шмидта.

Фото А. О. Аалоз, 1957.

Одно из немногих сохранившихся до наших дней старинных зданий в живописном парке б. мызы Кайсма.

Фото А. О. Аалоз, 1957.

Академик Ф. Б. Шмидт в Тарту во время экскурсии VII Международного геологического конгресса в 1897 г.

Участники Эстляндской экскурсии VII Международного геологического конгресса при сборе палеонтологического материала в Пийрсалуской каменоломне 10 августа 1897 г. В середине академик Ф. Б. Шмидт.

Фото проф. Ф. К. Хьюза (Архив АН СССР, ф. 42, оп. 1, № 62).

*Сборник в честь
Н.А. Седина от
Елены Владимировны Карпинской*

ПАМЯТИ ФРИДРИХА БОГДАНОВИЧА ШМИДТА

Краткие воспоминания

Е. А. ТОЛМАЧЕВА-КАРПИНСКАЯ

Настоящий сборник посвящен памяти ученого, работы которого на протяжении более полувека неизменно вызывали к себе интерес и привлекали внимание ученого мира, выражавшееся в избрании его действительным или почетным членом академий наук или видных ученых обществ, а также в присуждении ему почетных наград — медалей и премий. За новые полвека, протекшие со смерти ученого, труды его сохранили свое значение и почитаются классическими.

В жизни академика Фридриха Богдановича Шмидта можно выделить два больших периода, отделенных друг от друга более чем десятью годами путешествий — научных экспедиций по поручению Петербургской Академии наук и Русского географического общества.

У Ф. Б. Шмидта было, в сущности, две родины. Во-первых, Прибалтийский край, которому он принадлежал по рождению и где провел первые десятилетия своей жизни — детство, школьные и университетские годы. Во-вторых, Петербург, где он обосновался в 1872 году, по завершении сибирских экспедиций и после избрания его в члены Академии наук. В Петербурге его уже более оседлая жизнь регулировалась кабинетной работой и административными обязанностями директора Минералогического музея Академии*, а также участием в заседаниях научных учреждений и обществ, членом которых он состоял, — потому что расписание этих заседаний составлялось обычно на весь год вперед.

Помимо необходимых ссылок и примечаний, я не предполагаю заниматься обзором и разбором научных трудов Шмидта. Но на протяжении приблизительно 25 лет из петербургского периода своей жизни Фридрих Богданович был постоянным гостем в нашем доме, посещая нас не менее двух раз в неделю в определенные дни, и мне думается, что из

* В то время так наз. Минералогический музей объединял в себе все отрасли геологии. В нескольких больших залах были расположены витрины с коллекциями, а рабочие кабинеты помещались в ряде небольших боковых комнат. На базе этого музея выросли впоследствии отдельные институты, музеи и лаборатории.

его петербургских знакомых наша семья была ему самой близкой, хотя его отношения со всеми тремя поколениями ее были дружескими и теплыми, но лишенными всякой интимности или фамильярности.

Все, что мне доподлинно известно о Шмидте, я слышала непосредственно от него самого. — Ф. Б. Шмидт вырос среди простой и уютной, — если так можно выразиться, — эстонской природы, которую он с детства любил, и которая всегда привлекала его. Сперва он собирал цветы во время прогулок в сопровождении одной старой бедной эстонки, называвшей их эстонскими названиями, неизвестные же ей названия Шмидт заменял вымышленными им самим. Позднее товарищами его игр стали эстонские крестьянские мальчики, с которыми он мог совершать и более далекие прогулки, собственно, экскурсии, по его словам, до 10 верст. Таким образом, в раннем детстве Шмидт уже ознакомился с флорой всей окрестной местности, а с поступлением его старшего брата в Ревельскую гимназию, где преподавали и естественную историю, — причем учащиеся сами собирали растения и составляли коллекции, — Шмидт узнал у брата латинские названия, заменив ими эстонские и свои вымышленные. Когда Шмидту было около 11 лет, он тоже поступил в Ревельскую дворянскую гимназию, которую окончил весной 1849 года.

Почти все некрологи и биографии Ф. Б. Шмидта, — по крайней мере известные мне, — начинаются с того, что он родился в имении своего отца Кайсма. Представление об имении, по крайней мере в России, всегда связывалось с мыслью об известном материальном достатке, между тем Шмидт был настолько необеспеченным, что для него возможность получить высшее образование была под вопросом. Это сообщение основано на каком-то недоразумении. В своей автобиографии сам Шмидт, называя место своего рождения, говорит: «родился в имении Кайсма», не упоминая о владельце имения, а проф. К. Купфер в некрологе, напечатанном в «Korrespondenzblatt des Naturforscher-Vereins zu Riga», LII, 1909, прямо говорит, что Шмидт родился в имении, где его отец был управляющим.

Когда Ф. Б. было 16 лет, ему предложили руководить занятиями по ботанике двух взрослых дочерей известного мореплавателя адмирала Крузенштерна. Шмидт сам рассказывал, что общество хорошо воспитанных дам оказало на него благотворное влияние. Судя по некоторым навыкам Ф. Б., его воспитанием в детстве никто не занимался. Он никогда ничего не рассказывал о своей семье, и я ни разу не слыхала, чтоб он упомянул о своей матери. Я до сих пор так и не знаю, умерла ли она так рано, что он ее не помнил, или на то были иные причины. Из родственников Шмидта я несколько раз встречала у него родного племянника, тоже Шмидта, лейтенанта Балтийского флота, старообразного молодого еще человека небольшого роста, с большой рыжей бородой, которого и сам Ф. Б., и его знакомые по Прибалтике всегда в шутку называли «адмиралом». Настоящего имени его я и не знала.

По окончании гимназии, летом 1849 года, Шмидт поступил в Дерптский университет.

Каждое лето, и в гимназические, и в университетские годы, Ф. Б. экскурсировал по всей Прибалтике, сперва на островах Сааремаа (Эзель) и Муху (Моон), где у него был дядя, весьма сочувственно относившийся к занятиям племянника естественной историей, а в университетские годы он принимал участие в экскурсиях местных специалистов. До весны 1853 года Шмидт усердно посещал все лекции и в мае сдал экзамен на кандидата ботаники. Летом того же года он собирал материал для кандидатской диссертации, темой для которой он выбрал

флору острова Муху (Моон). Эта работа, — первое печатное произведение Шмидта, — была опубликована в 1854 году. Когда Ф. Б. впоследствии праздновал свой научный юбилей, я поднесла ему торт в виде книги, на «обложке» которой было воспроизведено все, что стояло и на обложке его первой работы, и это скромное подношение доставило ему наибольшее удовольствие. Он всегда любил вспоминать свою первую работу, а я всегда шутя говорила ему, что его «первую любовь» звали «Флора фон-Моон». Когда Шмидт бывал чем-нибудь доволен, он выражал свою радость с чисто детской искренностью.

Осенью 1853 года Шмидт поступил в Московский университет вольнослушателем, имея уже кандидатскую степень, но не имея прав, которые дает университетский диплом, так как сдал выпускные экзамены не по той специальности, на которую записывался в Дерптском университете. В Москве он слушал лекции у видных профессоров-филологов, но одновременно занимался ботаникой у проф. Фишера и геологией у проф. Щуровского. На зимние каникулы он поехал в Петербург, где занимался в Ботаническом саду у академика Мейера и у Рупрехта и палеонтологией у Х. Пандера. В этот период ему удалось освободиться от тяготившего его обязательства перед Дерптским университетом, возвратив затраченную на его обучение стипендию, и в марте 1854 года он вернулся в Дерпт свободным человеком.

Надо было готовиться к магистерскому экзамену, который дал бы Шмидту право занять место помощника директора Ботанического сада, которым был тогда проф. А. Бунге, и получить доцентуру по ботанике. В то же время Дерптское общество естествоиспытателей по инициативе проф. А. Шренка, предложило ему принять участие в исследовании прибалтийского силура, для определения границы между верхними и нижними силурийскими отложениями. Это предложение открывало Шмидту путь к разрешению той задачи, которая впоследствии стала основной целью его жизни. Осенью и зимой 1854—1855 гг. Шмидт сдавал магистерские экзамены, а летом 1855 года защитил диссертацию на степень магистра ботаники на тему «Flora des silurischen Bodens von Estland, Nord-Livland und Oesel»; в декабре того же года он был утвержден в звании магистра ботаники. Весной 1856 года он получил место помощника директора Дерптского ботанического сада, на котором оставался около трех лет. В это время он занимался обработкой семейств Umbelliferae и Polygonaceae для большой работы К. Максимова «Primitiae Florae Amurensis», по материалам, привезенным им из его экспедиции на Амур. При этой работе Шмидт ознакомился ближе с флорой Амура и Сахалина.

Обработка материалов Прибалтийской силурийской системы была закончена им уже в 1857 году. Результаты этой работы были опубликованы в «Архиве» Дерптского общества естествоиспытателей под заглавием «Untersuchungen über die silurische Formation von Estland, Nord-Livland und Oesel». Работа была удостоена Академией наук Демидовской премии.

Тем временем проф. А. Бунге поручил Ф. Б. Шмидту чтение лекций по ботанике на время своего отсутствия. Взявшись за эту работу, Шмидт вскоре убедился, что для педагогической деятельности у него нет ни склонности, ни способностей, и осенью 1858 года поехал в Петербург искать себе более подходящих занятий, более отвечающих его способностям. Русское географическое общество предложило ему место начальника физического отдела большой Амурской экспедиции, рассчитанной на 3—4 года, главной целью которой было геологическое исследование Амура и острова Сахалин. В январе 1859 года Шмидт окончательно

расстался со своей работой в Дерпте и уехал в Петербург готовиться к экспедиции, которая двинулась в путь в мае того же года.

Осенью 1862 года Шмидт вернулся в Петербург, где принял за обработку собранных в этой экспедиции коллекций. Результаты обработки были опубликованы в двух трудах: «*Flora Sachalinensis*» и «*Flora Amgupo-Virejensis*». Следующее лето Шмидт опять использовал для продолжения работ на территории Прибалтики, но опубликование как этих исследований, так и двух предыдущих ботанических работ задержалось, так как в 1866 году ему вновь пришлось отправиться в экспедицию за трупом мамонта, обнаруженным в тундре между низовьями Оби и Енисея. По завершении этих экспедиций здоровье Шмидта оказалось настолько расстроеным, что его отправили на лечение на 2 года за границу. Шмидт вернулся в Петербург осенью 1870 года, а в 1872 году он был избран в члены Академии. В это время вышли и подготовленные им к печати результаты его сибирских работ. Так как непосредственной целью последних путешествий Шмидта были геологические поручения, которые и связывали его судьбу с Академией, чисто ботаническими исследованиями он более не занимался и не публиковал специально ботанических работ, но неизменно интересовался ботаникой.

Во всех своих работах Шмидт применял сравнительный метод исследования. Изучив тщательно силурийские отложения Прибалтики, он осмотрел и все одновременные осадки в других районах и странах: в России — в Подолии и Галиции, за границей — в Швеции, Норвегии, Англии, Соединенных Штатах. Свои исследования в Прибалтике он довел до высокой степени совершенства.

Таков вкратце научный путь Фридриха Богдановича Шмидта; о его деятельности в «академический» период его жизни я скажу подробнее ниже.

*

С моим отцом Ф. Б. Шмидт впервые встретился, вероятно, в 1869 году, когда тот, защитив диссертацию и приступив к чтению лекций в Горном институте, в том же году был избран членом Минералогического общества и С.-Петербургского общества естествоиспытателей, членом которых состоял и Шмидт. В то время у моего отца еще не было семьи, а со Шмидтом еще не было таких общих дел, для обсуждения которых не хватало бы времени при встречах на заседаниях. В нашем доме Шмидт появился в конце 70-х годов, когда он был уже академиком. Тогда у геологов назревал вопрос о необходимости общей геологической съемки страны и создания соответствующего осуществлению ее учреждения — будущего геологического комитета, в состав которого, кроме основного, очень малочисленного коллектива штатных сотрудников-геологов, должны были войти крупнейшие геологические силы страны. У Шмидта был большой опыт его исследований, охватывавших значительный участок территории страны — всю Прибалтику, а у моего отца — целое десятилетие геологических исследований, преимущественно на Урале.

Создание Геологического комитета требовало объединенных усилий большой группы геологов и сложной организационной работы. Шмидт заходил тогда к моему отцу ненадолго, причем они беседовали в кабинете, куда я выносила чай, что было благодарным предлогом для присутствия в кабинете лица, еще не достигшего до участия в научном собеседовании. Шмидт до конца жизни вспоминал, что я сказала при нашем первом знакомстве. В нашем, детском, представлении звание «профессор», «ученый» казалось самым почетным, а все, кто приходил к моему отцу для деловых или научных бесед, принадлежали именно к ученому

миру. И жили мы тогда в Горном институте, на набережной Невы, на окраине района, как в небольшом провинциальном городе. Но профессорские квартиры там были большие, комнаты высокие, хотя полы были еще не паркетные, а досчатые крашенные, водопровода не было, для освещения служили свечи и позднее керосиновые лампы. В нашей семье не было ни няnek, ни бонн или гувернанток, но дети, благодаря матери, уже в дошкольном возрасте владели, кроме русского, двумя иностранными языками — французским и немецким. Впоследствии, когда мы были в школьном возрасте, нам давала уроки приходящая учительница француженка и позднее англичанка, — образованные, хорошо знавшие литературу. А воспитанием нашим занимались сами родители, и воспитывали они нас своим примером. Мы были живыми детьми, но мы знали свое детское место и, находясь в обществе взрослых, никогда никому не мешали. Я останавливаюсь на этих подробностях потому, что с тех пор, как Шмидт стал приходить к обеду, я была его бессменной соседкой по столу.

Жизненный уклад нашего дома был очень простой: никаких приемных дней или даже часов у моих родителей не было, но по воскресеньям к обеду собирались ближайшие родственники и некоторые знакомые, иногда с детьми. У моего отца наиболее свободным днем от лекций и заседаний был четверг, по-видимому, свободный и у Шмидта, который и стал приходить к нам каждый четверг к обеду, причем первоначально он был единственным гостем. Он приходил обычно к самому обеду, и по окончании его очень долго оставался сидеть за обеденным столом, продолжая начатую беседу с моим отцом, и наконец уходил прямо в прихожую, иногда позабыв проститься с тут же сидевшими хозяевами.

Шмидта нельзя было причислить к той категории «рассеянных» ученых, которая была постоянным объектом вышучивания в известном немецком журнале «*Fliegende Blätter*», но по отношению к собственной внешности он проявлял полнейшее равнодушие. Внешний облик Шмидта прекрасно описан проф. К. Купфером в первом абзаце некролога. У Шмидта были хорошие ясные, голубые глаза, выражение которых было часто задумчивым, даже мечтательным; большая окладистая борода была в беспорядке, пиджак или сюртук расстегнуты или застегнуты как попало, так что при застегивании ему всегда казалось, что одной пуговицы не хватает. Купфер наблюдал это в 1900 году, хотя, на мой взгляд, его «воспитание» к тому времени сделало уже большие успехи. Дело в том, что в 1880 году Горный институт окончил молодой инженер, начавший было свою карьеру в качестве моряка, но перешедший в Горный институт и ставший в дальнейшем крупным ученым-геологом и академиком и с первых шагов своей научной работы ближайшим сослуживцем и сотрудником моего отца, — Феодосий Николаевич Чернышев, который очень скоро тоже стал постоянным нашим гостем по четвергам. Шмидт был на 15 лет старше моего отца и приблизительно на 25 старше Чернышева, но всех трех тесно связывали научные интересы. Чернышев был человек живой и бойкий, и он взялся за «воспитание» Шмидта, шутивным, но довольно решительным тоном указывая Шмидту на нарушение последним элементарных правил поведения в обществе. Шмидт на эти замечания всегда добродушно «ухмылялся» в бороду и, как бы оправдываясь, отвечал: «а я этого и не знал». Дома он, вероятно, еще мало следил за собой, но у нас перестал появляться в неправильно застегнутом сюртуке и с нерасчесанной бородой, по которой, по словам того же Чернышева, можно было установить «меню» Шмидта за несколько дней. Между тремя собеседниками шел всегда оживленный, интересный и поучительный для младших поколений, — если он их интересовал, — разговор иногда на чисто научные темы о новейших достижениях геологии и о новейшей гео-

логической литературе русской и иностранной, так как все трое внимательно за ней следили.

Шмидт не был оратором, но по своим широким знаниям и опыту мог быть интересным собеседником. Вынужденное изучение филологических дисциплин, при знакомстве с несколькими иностранными языками, оставило у Шмидта очень положительный след. Услышав незнакомое или непривычное ему выражение, он сейчас же поднимал вопрос, откуда и как оно произошло, прибегая к свойственному ему сравнительному методу, к помощи сравнительного языкознания. Такое отклонение от основной темы разговора оживляло беседу, к которой присоединялись и другие члены семьи. Впоследствии в них могла принимать участие и я, тоже получившая двойное высшее образование, а отец мой был вообще человеком широко образованным. Шмидт был хорошо знаком с русскими поговорками и пословицами, которые умел кстати применять, а чокаясь с Чернышевым, любил повторять: «пей, Федосей, хотя есть нечего, зато жить весело» (Чернышева звали Феодосий). Про наш гостеприимный дом Шмидт всегда говорил, что «не красна изба углами, красна пирогами».

Со временем число участников «четвергов» расширилось за счет иногородних русских геологов, приезжавших по делам в Петербург. Бывший профессор Дерптского университета, швед по национальности, О. А. Баклунд, академик и директор Пулковской обсерватории, живший в Пулково, всегда приходил в четверг, если оказывался в городе. В дальнейшем всегда приглашались и иностранные ученые, приезжавшие в Петербург.

Шмидт был человек одинокий, но лишь в том смысле, что у него не было семьи; жил он в большой квартире в главном здании Академии на Университетской набережной Невы, и штат его «прислуги» состоял из старой кухарки Матрены и ее старого, лохматого и любившего выпить мужа «Егорки». Я на них останавливаюсь потому, что «Егорка» был темой почти ежегодного сообщения Шмидта в первый «четверг», когда он после летних каникул приходил к нам. Шмидт носил зимой каракулевую шапку типа фуражки, какой, мне думается, был распространен в Эстонии и Латвии, а вся одежда его находилась в ведении «Егорки», оберегавшего ее и от моли. Снисходительно и добродушно улыбаясь, Ф. Б. сообщал, что «опять», по словам «Егорки», моль съела за лето каракулевую фуражку. При этом «моль» работала так чисто, что поела не только каракуль, но и ватную подкладку. Приходилось Шмидту покупать новую шапку, до новой агрессии моли, а у «Егорки» настроение поднималось на более длительный срок.

Шмидт и чета Матрена—Егорка были единственными постоянными жильцами квартиры, но и свободные комнаты ее никогда не пустовали: в течение ряда лет на весь «академический» год они были заняты студентами — сыновьями балтийских друзей Шмидта и его знакомых на острове Сааремаа (Эзель). Так было уже в 90-х годах прошлого столетия, когда Шмидт, кроме четверга, приходил к нам еще в воскресенье к завтраку, причем приводил с собой троих из своих «постояльцев».

Кроме упомянутого уже племянника—«адмирала», у Шмидта останавливались иностранные ученые, приезжавшие в Петербург для совместных с ним поездок на прибалтийский силур или для работы над коллекциями из материалов последнего в Музее Академии. Так как эти ученые были знакомы моему отцу, а часто и мне, они тоже всегда посещали нас вместе с Ф. Б. Среди этих ученых были шведы Гольм (Holm), Де Геер (De Geer), норвежец Киер (Kjaer), англичане Сили (Seeley) и женатый на его дочери сэр Смит Вудвард (Smith Woodward), немец Йекель (Jaekel) и многие другие. Раза два приезжал японец, проф. Джимбо (Jimbo). Среди своих «постояльцев» Шмидт был известен под родственным проз-

ишем «Onkel» (дядя), которое в ученном мире потом постоянно прибавлялось к его фамилии, так же как и «Mammuth-Schmidt», после экспедиции на мамонтом, в отличие от других геологов с той же фамилией. Изредка, в связи с приездом в Петербург какого-нибудь известного ученого или путешественника, Шмидт устраивал у себя завтрак, на который приглашал некоторых из своих коллег-академиков и других ученых. Такой завтрак был у него, между прочим, в связи с приездом Ф. Нансена после его экспедиции на «Фраме».

В начале текущего столетия, когда Минералогический музей, переименованный в Геологический, получил дополнительное помещение для библиотеки, а из Мюнхена переселился в Петербург высококвалифицированный столяр, специалист по музейному оборудованию, Петц, работавший в Мюнхене в Минералогическом институте у проф. П. Грота, Шмидт подарил Музею свою обширную библиотеку, состоявшую из изданий, получаемых им по званию академика и члена многочисленных русских и иностранных научных обществ и учреждений, а также от его коллег-ученых. У Музея штатного библиотекаря не было, и разборкой громадного библиотечного фонда Ф. Б. занялась я, начав с очистки его от пыли и укладывания на полки, находившейся почти рядом с квартирой Шмидта. Я заполнила несколько больших инвентарных книг и составила карточный каталог библиотеки. На следующий год Музей получил штатную единицу для библиотекаря, который и продолжал мою работу. Старые инвентари и каталоги существуют и по сие время, сама же Библиотека переведена в Москву одновременно с Академией. В эту же Библиотеку, уже сильно разросшуюся, я отдала и геологическую часть библиотеки моего отца после его смерти в 1936 году.

После значительного расширения Минералогического музея Шмидт оставил пост его директора, но ежедневно по утрам посещал Музей в связи со своей большой работой по геологии Прибалтики.

Закончив опубликование трудов своих сибирских экспедиций, Шмидт вернулся к теме, завладевшей его умом с юных лет. Начав с флоры, он пошел дальше и глубже и дал стратиграфическое и палеонтологическое описание прибалтийского силура настолько полно, что сделал его классическим образцом для всех ученых — русских и иностранных, — изучающих эти отложения. Многие из этих специалистов считали и считают для себя необходимым лично посетить этот край. Шмидт заинтересовался и послетретичной историей его, и теми изменениями, которые он пережил во время обширного оледенения Северо-Запада Европы, а также и после отступления льдов.

Затем Шмидт перешел к тому своему труду по описанию органических остатков прибалтийского кембрия-силура, который неразрывно связан с его именем. Сперва он выпустил несколько небольших статей с описанием рыб, а за этими статьями последовал ряд крупных монографий, посвященных описанию богатой фауны трилобитов, разнообразие которой позволяет проследить постепенное развитие органической жизни в прибалтийском силуре, его деление и смену различных фаз развития.

Не ограничиваясь своей громадной работой над монографиями о трилобитах, Шмидт развивал весьма широкую научную деятельность. Регулярно, с начала 70-х годов, посещая заседания С.-Петербургского общества естествоиспытателей, Минералогического и часто Географического обществ, он выступал почти в каждом собрании с каким-нибудь небольшим, но значительным сообщением — о новых находках ископаемых, об описании таких ископаемых в новейшей иностранной литературе и т. д. Такие сообщения, являющиеся материалом протоколов

заседаний, в каждом протоколе занимают от нескольких строк до одной-двух страниц и представляют большой интерес.

Я приведу для ознакомления с этого рода деятельностью Шмидта несколько выдержек из указанных протоколов. Так, в протоколе заседания Отделения геологии и минералогии Общества естествоиспытателей от 6. XI 1873 года полторы страницы заняты сообщением Ф. Б. об исследованиях шведского ученого Натгорста о распространении арктической флоры в Европе во время ледникового периода, отчет о которых вышел тогда в изданиях Стокгольмской Академии наук и с которым Шмидт успел уже подробно ознакомиться. В заседании того же отделения Общества от 14. I 1874 года Шмидт раздает присутствующим свою только что вышедшую статью «О новых видах рода *Leperditia*», поводом к написанию которой послужила одна *Leperditia*, найденная им самим в большом количестве хорошо сохранившихся экземпляров в верхнесилурийских отложениях Галиции, около м. Залецики. Он дает описание 14 видов, из коих 12 русские, причем Шмидт указывает, где, когда и кем открыт описанный экземпляр. В следующем заседании, от 29 февраля, он читает реферат о книге В. Томсона «*The Depths of the Sea*», а затем делает сообщение «О некоторых новых и малоизвестных нижнесилурийских окаменелостях из Эстляндии и С.-Петербургской губернии» и приводит детальное описание трех видов. В двух следующих заседаниях он делает довольно подробное сообщение о палеозойских рыбах рода *Pteraspis*, причем сперва излагает историю вопроса, а затем дает описание форм, найденных им в предыдущем году в Галиции, и высказывает свои соображения по данному вопросу. В апрельском заседании Шмидт опять сообщает содержание статьи Натгорста о некоторых псевдоорганических формах. В следующем, 1875 году Шмидт выступает в Минералогическом обществе с рефератом о книге Гики о великом ледниковом периоде, а в 1876 году о галицийско-подольских силурийских отложениях и содержащихся в них ископаемых. Из сообщений, сделанных в 1877 году, заслуживает упоминания сообщение «О распространении Балтийского моря в послеледниковый период в Эстляндии». Немало места среди интересующих Шмидта вопросов занимает и ледниковый период.

Я привела только несколько примеров, говорящих о широчайших интересах Шмидта. Если бы он состоял членом и историко-филологических обществ, он, без сомнения, и в них сумел бы затронуть интересные, но требующие углубленного внимания и исследования вопросы. От дальнейшего изложения его мелких сообщений я воздерживаюсь, ибо не в этом была моя задача.

Внешность Шмидта — крупная фигура, не полная, но грузная, высокий рост, большая борода, мечтательное выражение голубых глаз — при первом знакомстве не позволяла предполагать у него тех больших и многообразных знаний, которыми он обладал, тем более, что «оратором» он не был и по собственному признанию. Он был в известной степени и при известных обстоятельствах разговорчив, но не болтлив. Он бывал оживленным, но не шумно веселым, каким иногда был Чернышев в тех же условиях. Несколько раз мне привелось видеть Шмидта танцующим, когда в день именин моей матери он с серьезным лицом танцевал венский вальс с ее матерью, а моей бабушкой, которая была на 10 лет старше его. Он никогда не чуждался жизни и, хотя был старым холостяком, не избегал и детского общества.

О своих старых знакомых и друзьях на своей старой родине Эстонии он не только всегда помнил, но и относился к ним заботливо, соблюдая их интересы. Так, к нему каждую неделю приходил ящик со сливочным маслом из имения, если не ошибаюсь, «Регекампф», где, видимо, было

Ф. Б. Шмидт (первый слева), Ф. Н. Чернышев и А. П. Карпинский. Снимок сделан, вероятно, в 1907 году в связи с 25-летием Геологического комитета.

Страница из дневника Ф. Б. Шмидта с Амурской экспедиции (1859—1862).
 (Архив АН СССР, ф. 42, оп. I, № 22).

хорошее молочное хозяйство. Среди своих знакомых или даже сослуживцев-академиков Шмидт находил потребителей этого масла, сам распределял его и развешивал и раз в неделю рассылал со сторожем к заказчикам. Наша семья была тоже усердным потребителем хорошего сливочного масла, и в четверг за обедом Ф. Б. всегда производил расчет с моей матерью, в точности до копейки. Со стороны это могло казаться даже смешноватым, но Шмидт, в детстве терпевший некоторый материальный недостаток, приучился к бережливости. Он всегда говорил, что из копеек слагаются рубли, и как сам был аккуратен, так и со случайного должника, вроде моей матери, за которой могла остаться одна копейка при расчете за масло, никогда не забывал эту копейку взыскать при очередном расчете.

Прежде дочерей воспитывали строго — меня одну никуда не пускали, и горничная провожала меня не только в гимназию, но и на курсы. Между тем я довольно рано начала посещать, например, некоторые заседания Географического общества, где и Шмидт бывал довольно часто, и в таких случаях он охотно соглашался быть моим спутником, причем, доехав на извозчике до места, плату за проезд мы аккуратно делили пополам, что со стороны казалось смешным. Зато, если не хватало средств на какую-нибудь интересную и нужную экспедицию, Шмидт спрашивал: «Сколько нужно?» и, если отвечали — 5 тысяч, полностью вносил их, — заработок его более чем обеспечивал его скромные потребности, а наследников у него, кроме племянника-«адмирала», не было.

Шмидт был очень справедливым как в своих отношениях с людьми, так и в научных вопросах, охотно признавал свои ошибки и промахи и не терпел несправедливости у других, хотя бы связанных с ним дружескими отношениями. Так, будучи в очень хороших отношениях с Норденшельдом, которого он давно близко знал, он очень решительно выступил против него в изданиях Географического общества, когда тот в описании своего плаванья на «Вега» в 1878—1880 гг. умалял значение русских открытий в Арктике.

Будучи одиноким, Шмидт все же жил полной жизнью, заполняя ее настоящей, полезной работой и общением с людьми, которым он всегда помогал в беде, оказывая и моральную, и материальную поддержку. Академик Ф. Н. Чернышев, который не раз вместе со Шмидтом ездил на научные съезды, рассказывал, что тот, просыпаясь утром, всегда громко говорил: «Das Leben ist doch schön!»

Жизнь ему до последних дней казалась прекрасной!

MALESTUSI FRIEDRICH SCHMIDTIST

E. A. TOLMATSEVA-KARPINSKAJA

Resümee

Eeltoodud artikli autor, NSV Liidu Teaduste Akadeemia kauaaegse presidendi, akadeemik A. Karpinski tütar, kelle perekonnas Fr. Schmidt oli Peterburis elades igapäevaseks külaliseks, esitab lühikese ülevaate Fr. Schmidti elust ning jutustab oma isiklike mälestusi temast. Viimastest selgub Fr. Schmidti tagasihoidlikkus, heasüdamlik ja äärmiselt õiglane iseloom. Hoolimata perekondlikust üksiklusest oli Fr. Schmidtil palju sõpru teadlaste hulgas ja ta võttis elavalt osa ühiskondlikult kasulikust tööst ja elust. Fr. Schmidti teaduslikud huvid olid väga mitmekülgsed. Tänu aastatepikkusele hoolsale tööle kabinetis ja rohkele ekspeditsioonidele nii Venemaal kui ka välismaal omandas ta sellise teadmiste ja kogemuste hulga, mis tegid temast ühe oma aja silmapaistvama geoloogi maailmas.

ERINNERUNGEN ÜBER FRIEDRICH SCHMIDT

E. A. TOLMATSEVA-KARPINSKAJA

Zusammenfassung

Die Verfasserin dieses Artikels ist die Tochter des Akademikers A. Karpinski (vieljährige Präsident der Akademie der Wissenschaften UdSSR). In ihrem Heim in Petersburg war Fr. Schmidt ein allwöchentlicher Gast. E. A. Karpinskaja gibt eine kurze Übersicht seines Lebenslaufes und erzählt von ihren persönlichen Erinnerungen über ihn. Aus diesen geht es hervor, dass Fr. Schmidt ein gutmütiger, äusserst gerechter und bescheidener Mensch war. Obwohl er in seinen Familienverhältnissen einsam war, hatte er doch viele Freude unter den Gelehrten. Er nahm einen lebhaften Anteil an dem gemeinschaftlichen Leben. Die wissenschaftlichen Interessen Schmidts waren höchst vielfältig. Seine jahrenlange sorgfältige kamerale Arbeit, seine während der vielen Expeditionen in Russland und im Auslande erworbenen Kenntnisse und Erfahrungen, haben ihn zu den hervorragendsten Geologen der Welt seiner Zeit emporgehoben.